

тельным местоимением *ni* (*n'*), например: *O mògòw, nù minéna fewuruye kalo tile 28 don san 1978 kònò, nú ye mògò 43 ye, olu donna muruti in na kisima dukara, cokoro bagayoko, karim dambele de... ka nyèsiranyè kòsòn.* (Эти люди, которые были арестованы 26 февраля 1978 года и которых было 43 человека, боялись влияния Кисимы Дукары, Чекоро Багаеко, Карима Дамбеле). В предложениях с *ni* придаточные не только распространяют опорное слово главной части, но и определяют его, описывают, уточняют.

Присубстантивные предложения являются более частотными, чем прикомпаративные. К прикомпаративным предложениям в современном русском языке относят сложноподчиненные предложения с придаточными, распространяющими форму прикомпаративной степени наречий, реже прилагательных или слов категории состояния, и присоединяемыми союзами *чем, нежели*, например: Он был гораздо страшнее, чем грохот бомбежки, к которому Синцов уже привык за эти дни (28). В предложениях данного типа в придаточных частях обычно выражается объект сравнения. В языке бамана соответствующие отношения выражаются при помощи союза (*ni*) ... *ye*, иногда с сочетанием *ka tèmè ... kan*, например: *pènè bè bi kòsòbè ka tèmè kunun kan* (Сегодня холоднее, чем вчера); *nin mòbili in bè boli kòsòbè ni nin ye* (Эта машина быстрее, чем та); *mađu ka jaп ni umađu ye* (Маду выше, чем Умар). Способностью участвовать в образовании предложений данного типа обладают и те прилагательные и наречия, которые заключают сравнение в самом своем лексическом значении: *иной, другой, иначе, по-другому, по-иному*, например: Просто капитан в тот день глянул на войну другими глазами, чем Синцов (58).

Присубстантивные нерасчлененные предложения распространены в русском языке гораздо шире, чем прикомпаративные. Среди присубстантивных предложений разнообразием языковых средств и частотностью выделяются определительные предложения. Прикомпаративные предложения — наиболее редкий тип синтаксических единиц (особенно предложения с союзом *нежели*). Интересно, что основные выводы, касающиеся присубстантивных и прикомпаративных нерасчлененных предложений (и шире — всех присловных предложений) в русском языке, во многом совпадают с выводами об аналогичных конструкциях в языке бамана.

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка.— М., 1970. с. 694.

² См.: Белошапкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис.— М., 1977, с. 226.

³ Симонов К. Живые и мертвые.— М., 1977, кн. 1, с. 12.

⁴ Там же, кн. 3, с. 13. В дальнейшем в тексте статьи (в скобках) указаны страницы этой книги.

М. А. ЧЕРКАС

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ИМЕН КЛАССА NOMINA AGENTIS

Полисемантичность некоторых типов производных в немецком языке (как и в других языках) очень велика по объему и дает повод лингвистам вести дискуссии о характере семантики таких единиц. Внутри полисемантического типа различаются с функциональной точки зрения очень разные, притом стабильно узуализовавшиеся в языке, семантические группировки слов. На этом основании во многих работах ставится вопрос: считать ли тип имен с определенным деривационным суффиксом единым, хотя и полисемантическим, или же допускать по функционально-семантическому признаку сосуществование двух или более типов в одной форме?

Всё сказанное целиком относится к большому классу именных слов, традиционно обозначаемому и в немецком языке и в лингвистике вообще как «имена деятеля» — «*nomina agentis*». Показательно, что словарь от-

водит именам деятеля, маркированным в немецком языке преимущественно суффиксом *-er*, 8 страниц¹. Практически в словаре признана омонимичность самого этого суффикса, «обслуживающего» две части речи — существительное и прилагательное, хотя как морфема звуковой отрезок *er* выступает еще и в составе третьей части речи (как префикс глагольного словообразования). Но даже оставляя в стороне такую широкую омонимичность, лишь внутри словообразовательного типа «*nomina agentis*» с этим суффиксом связывается множество значений, от подлинных имен деятеля, например, *Schweißer, Bücherbinder, Putzer* и др., до наименований животных, например, *Rüßler, Bacher*, инструментов (технических устройств), например, *Rechner, Fernseher* и др. В. Флейшер говорит в своей монографии о «большом числе семантических рядов» внутри класса имен деятеля, помещая его по продуктивности на первое место среди производных существительных немецкого языка².

Может ли деривационный суффикс обладать собственным лексическим значением? Большинство лингвистов признают за ним типовое, обобщенное значение, т. е. значение классифицирующее или типизирующее, например, агентивное: суффикс осмысливается как маркер словообразовательного (формального и семантического) типа *nomina agentis*. Но, как было показано, семантические разновидности, маркируемые элементом *-er*, а значит, относящиеся к одному формальному типу, трудно объединить, как, например, «агентивность» и «орудийность». Лингвисты дают этому иногда следующее объяснение: отнесенность к лицу или нелицу обуславливается у имен на *-er* не значением суффикса и даже не значением их производящей основы, а языковым узусом — исторически сложившейся нормой словоупотребления и, в конечном итоге, потребностями номинации в определенный момент жизни общества³. Из такой характеристики рассматриваемого явления следует, что в своем системно-языковом статусе тип на *-er* един, адекватен самому себе, потребности же номинации задают его дериватам два и более разных значений и закрепляют их в сознании носителей языка. Другие считают, что главное в понимании деривата и деривации — «отношение мотивированного слова к мотивирующему», а словообразовательная морфема — лишь «сигнал» этого отношения⁴. Но в действительности оба подхода вполне согласуются друг с другом. Общий тип, отражаемый в структурной модели «основа глагола + суффикс *-er*», складывался и существует в языке преимущественно как тип имен деятеля, агентивное значение находится в центре его семантико-парадигматической структуры. Орудийное значение тоже генетически связано с действием, инструмент или орудие могут ассоциироваться с агентом действия, заменять его, выполнять его функцию. И многие имена на *-er* как раз и выступают в обеих разновидностях: *Fernseher* (телевизор и телезритель), *Jäger* (охотник и самолет-истребитель), *Lenker* (водитель и руль) и т. д.⁵ А закрепление слов только за «агентивностью» или только за «орудийностью» является, несомненно, результатом внутренней семантической дифференциации класса в целях более четкого удовлетворения нужд номинации.

Итак, наиболее типичное имя деятеля в немецком языке — это производное существительное отглагольного происхождения, главным маркером которого служит суффикс *-er*. При этом в понятие деятеля входят как постоянное занятие человека, так и обозначение по виду деятельности в данный момент, т. е. деятельности, связанной с одной определенной ситуацией, контекстом описания.

Возможен и такой подход к именам деятеля, который учитывает их еще более дифференцированный внутренний характер («noch weitere Bedeutungsunterschiede bei den Täterbezeichnungen»), а именно: одноразовая деятельность — «*einmalige Tätigkeit*» (*Störer, Seufzer, Lacher, Beleidiger*); привычная повторяющаяся деятельность — «*gewöhnheitsmäßige (häufige) Tätigkeit*» (*Träumer, Reucher*); профессиональная деятельность — «*berufsmäßige Tätigkeit*» (*Geiger, Sänger, Fahrer*). Могут учитываться далее признаки деятельности, лежащей в основе имени дея-

теля, и по несколько иной шкале, как: «viel», «oft» (Flucher, Zänker); «gelegentlich», «als Hobby» (Angler, Münzensammler) и т. д. Отсюда, например, агентивному имени «der Lehrer» дается под углом зрения этих четырех возможностей передачи признака деятельности следующая интерпретация:

1. «jemand, der **gerade** etwas lehrt» («чистая», т. е. сиюминутная деятельность); 2. «jemand, der **beruflich** lehrt» (профессия); 3. «jemand, der **gelegentlich** lehrt» (повторяющаяся деятельность); 4. «jemand, der **als Hobby** lehrt» (занятие-хобби).

Факты языка, следовательно, позволяют наметить главную семантическую оппозицию внутри имен деятеля, на одном полюсе которой должны помещаться «деятели в самом прямом смысле слова», характеризующиеся признаком сиюминутной, данной, разовой деятельности («**gerade** etwas tun»); на другом полюсе — «деятели по признакам профессии, хобби, привычки, черты характера», т. е. характеризующиеся более или менее устойчивой или постоянной деятельностью. Максимальную степень устойчивости или постоянства составляет, конечно, деятельность как профессия, а хобби, привычка, склонность или интерес к чему-то дают целую шкалу оттенков постоянства деятельности. Варьирование этих оттенков как «живой» процесс может наблюдаться только внутри предложений — высказываний, в текстовой манифестации, т. е. быть существенным компонентом общей структуры текста, развития его семантической канвы, словарная же фиксация отражает статичный материал, за которым, правда, угадываются возможные контексты реализации.

Разработка проблематики рассматриваемого типа слов приводит и к своеобразным концепциям, отличным от вышеизложенного подхода, хотя, бесспорно, с ним совмещающимся. Немецкий лингвист К. Е. Зоммерфельдт⁶, например, пытается исходить из валентности глагола, порождающего имя деятеля. Так, в предложениях типа Er ist Springer (Läufer, Schwimmer) или Er ist ein Springer (ein Läufer, ein Schwimmer) имена являются производными от одностепенных глаголов (springen, laufen, schwimmen) и называют иногда профессию, а чаще привычное занятие. В предложениях: Er ist ein Schwätzer (Angeber, Lügner, Gröler, Krakeeler, Keifer, Heuchler, Nörgler, Prahler) производными обозначаются лица уже не по постоянству занятий, а по их поведению. Лица могут называться по их физическим свойствам: Er ist ein Stotterer (Stammler, Schnarcher, Blinzler, Lispler), по отношению к труду: Er ist ein Wühler или Er ist ein Pfuscher.

Предложения данного типа (т. е. с именами деятеля в составе именного сказуемого) способны выражать отождествление какого-то лица на фоне определенного контекста или же с обязательным употреблением определений при имени деятеля, например: Er ist der Springer (der Springer, von dem in der Unterhaltung die Rede war), или Er ist der beste Springer des Landes. Если имена деятеля мотивированы двухместными или вообще переходными глаголами, то они имеют по несколько лексико-семантических вариантов и участвуют в образовании различных структур предложений. В этой связи в качестве примера используется приведенное ранее производное der Lehrer, проявляющее следующие семантические функции: обозначения профессии — Er ist Lehrer (ein Lehrer); отождествления лица — Er ist der Lehrer meines Sohnes.

Многообразием, дифференцированностью характеризуется функционально-семантический план имен, выступающих не как профессиональные обозначения, а в роли характеристик поведения лица, поскольку они несут в себе оценочность, причем как положительную, так и отрицательную (например: Er ist ein Betrüger, Fälscher, Mörder, Expresser), соотносительную с общей семантико-стилистической тональностью соответствующих контекстов. К. Е. Зоммерфельдт считает, что реализация производных чрезвычайно вариативна, хотя те из них, которые мотивированы переходными глаголами, способны, при всем множестве их конкретных вариантов, быть наименованиями профессий; служить опреде-

лителями (характеризаторами) лиц по их поведению; не быть ни тем, ни другим, а выступать в предложениях с актантами в субстантивных группах со свернутым (компрессированным) содержанием. Последний случай вписывается в широкий диапазон проблемы номинализации, так как субстантивные группы типа: *Er ist Anstifter der Jugendlichen zum Einbruch; Er ist der Helfer des Elektrikers beim Legen der neuen Leitung; Er ist der Überbringer des Befehls an den Kommandeur* и др. представляют собой свернутые предикативные структуры, подобные тем, которые создаются с участием имен действия в немецком языке.

¹ См.: Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. / Под ред. Степановой М. Д.— М., 1979, с. 132—140.

² Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache.— Leipzig, 1976, S. 137.

³ Шахрай О. Б. К вопросу о суффиксальной полисемии и омонимии.— Филологические науки, 1969, № 6, с. 132.

⁴ Хохлачева Е. Н. Некоторые вопросы теории словообразования.— Вопросы языкознания, 1973, № 3, с. 101.

⁵ См.: Словарь словообразовательных элементов, с. 137.

⁶ См.: Зомерфельдт К. Е. Семантика и валентность имен существительных — наименований деятеля с суффиксом -er.— Иностранные языки в школе, 1980, № 3, с. 7—10.

Т. Г. ЛУКША

К ВОПРОСУ О ЗНАКОВОМ ХАРАКТЕРЕ ПРОСОДИИ

Проблемы знаковости языка связаны, как известно, с основными философскими проблемами языкознания: онтологией языка и принципами изучения языка. Эта философско-лингвистическая проблема заслуживает особого интереса ввиду того, что «именно на материале языкознания взаимоотношение идеального и материального может быть исследовано с такой степенью точности, какая остается недостижимой в других частнонаучных областях»¹. В лингвистической литературе распространено пиросовское определение знака, согласно которому знак есть «нечто заменяющее для кого-либо что-либо по некоторому свойству или способности». Многочисленные дискуссии и научные труды, посвященные трактовке и указанному определению, и определению языкового знака Ф. Сосюрмом, дали целый ряд определений языкового знака, наиболее удачным из которых мы считаем следующее: «...знак (языковой — Т. Л.) — двусторонняя материально-идеальная единица — носитель социальной информации, идеальная сторона знака есть не что иное как один из видов отображения действительности в сознании человека»². Логично утверждать, что семиотическими, т. е. знаковыми системами можно считать те, единицы которых суть знаки. По мнению В. М. Солнцева, «язык является типичной семиотической и знаковой системой, поскольку звуковые отрезки, являющиеся оболочками морфем и слов, выражают некоторые смыслы (или значения) не в силу своих природных свойств, а в силу того, что им приписано свойство выражать эти смыслы или значения»³.

Человек воспринимает язык в двух его материальных реализациях: звуковой и графической. Каждая из этих реализаций представляет собой определенную структуру знаковых элементов. В приблизительной форме соотношение этих структур представлено в схеме, предложенной А. Г. Волковым (для индоевропейских языков). Несоответствие, столь очевидное при сравнении и сопоставлении отдельных элементов этих структур (например, звук — графема, такт, фраза — предложение), может быть менее значительным при сравнении самих структур.

Функционирование языка в артикуляторно-фонетической и графической формах выявляет отличные друг от друга варианты одной и той же закономерности: в первом случае знак выступает как элемент ди-